

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.11-112

DOI: 10.17223/19986645/59/1

А.В. Аверина

ДЕЙКТИЧНОСТЬ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Проводится анализ эпистемических маркеров немецкого языка с позиции их приближенности к говорящему. Показано, что как дейктики они могут быть близкими, медиальными и удаленными. Близкие могут использоваться в речевом и отчасти гипотаксическом режиме, т. е. в иллокутивно самостоятельных придаточных, и отражают установку говорящего; медиальные способны выступить во всех трех режимах с определенными ограничениями, отражая установку говорящего либо третьего лица, в то время как удаленные дейктики используются без ограничений во всех видах придаточных и в любом повествовательном режиме.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, дейктичность, частицы, модальные слова, придаточные предложения, иллокутивная самостоятельность.

Дейксис – это указание на компоненты акта коммуникации, т.е. на время, место и его участников. Принято различать пространственный, временной и персональный дейксис, в зарубежной германистике выделяется еще модальный и объектный дейксис [1]. В одной из работ отечественного исследователя Ю.Д. Апресяна особо подчеркивается свойство эгоцентричности, присущее дейктической лексике [2. С. 274], поскольку именно говорящий выступает в роли организующего центра коммуникации. Эгоцентричность дейктических слов разнопланова: выделяют первичные и вторичные эгоцентрики [3], в иной терминологии – первичный и вторичный дейксис [2]. В интерпретации Ю.Д. Апресяна первичный дейксис – это дейксис диалога, или ситуации общения. Вторичный дейксис характерен для пересказа, а дейктические слова используются для выражения чужого сознания [Там же]. По наблюдениям Е.В. Падучевой, существуют речевой (диалогический) и нарративный режимы интерпретации эгоцентрических элементов. В речевом режиме роль говорящего выполняет реальный говорящий. В нарративном режиме говорящего замещает либо один из персонажей, либо повествователь [3. С. 265]. Первичные эгоцентрики не могут использоваться в гипотаксическом контексте и в нарративном режиме, в то время как вторичные эгоцентрики возможны в гипотаксисе и в нарративе. Е.В. Падучева выделяет еще и третий режим интерпретации эгоцентриков – синтаксический режим: эгоцентрический элемент входит в состав предложения, подчиненного глаголу речи, восприятия, мнения, а на место

говорящего встает синтаксический субъект подчиняющего предложения [3. С. 266]. Синтаксический режим – это своего рода тест, позволяющий дифференцировать дейктические элементы: первичные дейктики, или, в терминологии зарубежных исследователей, феномены главного предложения (см. *main clause phenomena* [4], *Matrixsatzphänomene* [5, 6]) не могут использоваться в гипотаксисе, т.е. обладают свойством синтаксической неподчинимости [5–7].

Как показывает анализ отечественных и зарубежных исследований по данной проблематике [5–10], синтаксический, или гипотаксический, режим неоднороден: можно выделить придаточные предложения, допускающие включение первичных дейктиков (иллокутивно самостоятельные придаточные), и придаточные предложения, в структуре которых они находиться не могут (иллокутивно несамостоятельные придаточные предложения, подробнее см.: [7, 9]). Так, например, фактивные предикаты¹ типа *leugnen*, *bedauern*, *bereuen* в главном предложении не допускают включения ряда дейктических элементов в придаточное, в то время как глаголы говорения делают это возможным [6–8]. Помимо этого, сами по себе дейктики тоже неоднородны: среди них есть те, которые могут встречаться в некоторых типах придаточных и в нарративном режиме, можно говорить о дейктиках, не встречающихся ни в нарративном, ни в гипотаксическом режиме, а есть такие, которые способны выступать только в речевом режиме и в иллокутивно самостоятельных придаточных.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы охарактеризовать эпистемические маркеры в немецком языке с позиции их приближенности к говорящему и, соответственно, оценить их способность употребляться в различных повествовательных режимах:

1) в речевом (диалогическом) и отчасти в гипотаксическом (в иллокутивно самостоятельных придаточных) для передачи установки говорящего;

2) в речевом, нарративном и гипотаксическом с определенными ограничениями (т.е. в иллокутивно самостоятельных придаточных) для передачи установки не только говорящего, но и третьих лиц;

3) во всех трех режимах без ограничений – в любом типе придаточных и в любом повествовательном режиме.

В этой связи мы будем оперировать терминами, предложенными Ю.Д. Апресяном [2]: ближние и дальние дейктики, образующие оппозицию («я – не я»). В настоящей работе под ближними дейктиками применительно к маркерам эпистемической модальности понимаются те, которые могут иметь место в речевом режиме и в некоторых типах иллокутивно самостоятельных придаточных для передачи установки говорящего; дальние дейктики могут использоваться в различных режимах без ограниче-

¹ Понятие *фактивность* предложили П. Кипарский и К. Кипарский [11]. К фактивным предикатам относятся предикаты, отражающие истинность пропозиции (например, *bedauern*, *überzeugt sein*, *zustimmen*), в то время как нефактивные предикаты этим свойством не обладают (например, *sagen*, *sprechen*, *berichten*).

ний; срединную позицию занимают медиальные дейктики (термин см. [2]), под которыми мы понимаем единицы, способные передавать установку не только говорящего, но и третьих лиц и имеющие ограничения в гипотаксическом режиме.

Прежде чем структурировать эпистемические маркеры с позиции их приближенности к говорящему, зададимся вопросом, можно ли считать эпистемическую модальность дейктичной и почему. Это позволит нам понять, о каком виде дейксиса мы можем говорить применительно к эпистемическим маркерам.

В качестве иллюстративного материала в работе использовался веб-корпус DECOW16A и газетный корпус DWDS. Для демонстрации ряда явлений, требующих более широкого контекста, приводились примеры из немецкоязычной художественной литературы, а именно из новелл С. Цвейга (*Amokläufer* и *Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau*), на примере которых можно проследить использование эпистемических элементов в повествовании от 1-го лица, когда мы видим события через сознание персонажей, а также из романа П. Зюскинда (*Das Parfum*), для которого характерно повествование от 3-го лица (аукториальный повествователь). Поскольку анализ подчинимости / неподчинимости отдельных модальных маркеров, а именно частиц [7, 12], модальных слов [13], модальных глаголов [14], нами проводился ранее и уже существуют работы, в которых поднимается вопрос о неподчинимости фокуса истинности (*Verumfokus*) [15, 16], в данной статье предпринимается попытка обобщенного анализа использования эпистемических маркеров в придаточных в сопоставлении с возможностью их употребления в нарративном и речевом повествовательном режимах. Решению данной задачи способствовало обращение к корпусу DECOW16A. Он содержит 777 685 885 предложений, отобранных из немецкоязычных сайтов (включает в себя 17 116 160 документов), включающих как сообщения в форумах, так и различного рода онлайн-сообщения. Выявление режимов интерпретации выводилось из контекстуального окружения анализируемых единиц. Корпус DWDS содержит 13 000 000 000 примеров из текстов немецких газет и журналов (*Berliner Zeitung*, *Tagesspiegel*, *die Zeit*), разговорной речи. Всего было отобрано и проанализировано около 100 примеров, в статье нашли отражение лишь некоторые из них. Определенные сложности мы испытывали при анализе фокуса истинности (*Verumfokus*), поскольку корпуса не имеют интонационной маркировки. В этом случае использовались примеры, приведенные в работах немецких авторов, а также примеры, составленные нами по аналогии, которые согласовывались с носителями языка¹.

Остановимся сначала на вопросе о соотношении эпистемической модальности и дейктичности. Взаимосвязь эпистемичности и дейктичности трактуется в лингвистике неоднозначно. Так, например, Е.В. Падучева называет дейктическими элементами такие единицы, которые выражают иденти-

¹ Автор выражает благодарность Буркхарду Диттерле за замечания при обсуждении примеров.

фикацию объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации. К дейктическим элементам она не относит наклонение, модальность, показатели иллокутивной функции (утвердительность – вопросительность и пр.), так как считает, что речь идет об эгоцентрических, но не о дейктических элементах [3. С. 245]. Дейктические элементы идентифицируют объекты, время, пространство [Там же. С. 246]. Несколько иной позиции придерживается Н.А. Сребрянская, анализируя проекции дейксиса в художественном тексте. Рассматривая нарративный дейксис как категорию текста, она отмечает, что дейксис коррелирует с такими языковыми категориями, как субъективность, темпоральность, локативность, аспектуальность, модальность, определенность / неопределенность [17. С. 209]. Совершенно иную позицию и интерпретацию дейксиса мы находим в работах зарубежных лингвистов.

Например, по мнению Г. Дивальд, степень вероятности уже сама по себе выступает в роли того объекта, на который указывает *Origo* (*Origo* – см. К. Бюлер [18]) [1. S. 249], т.е. эпистемическая модальность уже изначально дейктична. Г. Дивальд опирается при этом на следующие постулаты, позволяющие говорить о дейктичности элементов: (1) взаимосвязь дейксиса с контекстом; (2) *Origo* как исходная точка в системе указательного поля и (3) некая направленность языкового выражения («attention-directing function») [Ibid. S. 14–17]. В роли объекта, на который указывает *Origo* (*Deixisobjekt*) выступают элементы контекста [Ibid. S. 34]. В более поздней работе Г. Дивальд пишет, что дейксис – необходимый семиотический процесс, позволяющий соединить определенное положение дел и говорящего. Без этого не может быть осмысленного высказывания. Связь с *Origo* является важным инструментом процесса, называемого в лингвистике «common ground», т.е. «общее знание» [19. S. 78]. Определенная логика прослеживается в объяснении взаимосвязи дейксиса и эпистемической модальности в работах В. Абрахама [5] и Э. Лайсс [20]. Эпистемическая модальность трактуется в этих работах как дейктичная категория, а элементы, которые ее выражают, могут относиться как к грамматическому, так и к лексическому уровню языка. Так, В. Абрахам отмечает, что существенным свойством модальных частиц является их многоплановая дейктичность: (1) говорящий оценивает информированность собеседника, (2) дает ему об этом знать и (3) провоцирует его к реакции на высказанное [5. S. 140]. Эти свойства мы можем проследить на следующем примере:

(1) *Haider ist ja betrunken gewesen* (пример В. Абрахама, см. [Ibidem]), где частица *ja* показывает, что говорящий и собеседник уже владеют этой информацией. Говорящий сигнализирует, что собеседник должен разделить его точку зрения, поскольку именно она является истинной.

Э. Лайсс связывает дейктичность с грамматикализацией модальных элементов: модальные частицы как многоплановые дейктики являются грамматическими элементами, в то время как модальные слова как одноплановые дейктики – лексические элементы [20].

Эпистемическая модальность дейктична по ряду причин. Во-первых, выражая предположение, говорящий уже указывает на определенную степень веро-

ятности, которая входит в указательное поле. Во-вторых, в ряде случаев помимо оценки вероятности эпистемические маркеры содержат имплицитное указание на говорящего как на источник сообщаемой информации (кодируется прямая засвидетельствованность, входящая в сферу эвиденциальных значений, поскольку отражается умозаключение, базирующееся на опыте или знании говорящего); в случае с частицами и с фокусом истинности говорящий указывает еще и на собеседника, обращаясь к нему, поскольку пытается скорректировать его позицию, обозначив ее как неверную (см. также [5]). В-третьих, эпистемические маркеры в большей или меньшей степени служат для актуализации речевой ситуации, а ситуативность – неотъемлемое свойство дейктических элементов. Таким образом, можно предположить, что маркеры эпистемической модальности относятся к сфере модального и в некоторых случаях персонального дейксиса (когда мы говорим о многоплановой дейктичности).

К эпистемическим маркерам мы относим такие единицы, как модальные слова, модальные частицы, дискурсивные частицы, фокус истинности (*Verumfokus*), модальные глаголы во вторичном значении. По нашим наблюдениям, многоплановость дейктичности и употребляемость в различных повествовательных режимах тесно взаимосвязаны, т.е. повествовательные режимы выступают в роли теста, позволяющего определить степень приближенности к говорящему. Покажем эту взаимосвязь.

Для начала рассмотрим использование модального глагола *müssen* во вторичном (эпистемическом) значении в речевом режиме и в придаточных предложениях:

(2a) „Das **muss** ein Irrtum **sein**“, sagten die beiden Kollegen, „wir warten mit Ihnen, bis der Herr Professor heraus kommt und Sie ihn gleich fragen können“ [21].

(2b) Die beiden Kollegen **sagten**, dass das ein Irrtum **sein muss**.

(2c*) Die beiden Kollegen **bedauerten**, dass das ein Irrtum **sein muss**.

В примере (2a) модальный глагол *müssen* передает семантику предположения. Это речевой режим, допускающий использование модальных глаголов во вторичном значении. В следующем высказывании (2b) модальный глагол выступает в эпистемическом значении и допустим в придаточном, поскольку оно является иллокутивно самостоятельным и его можно интерпретировать как речевое действие: информация, имеющая место в главном предложении, может быть опущена без ущерба для понимания смысла придаточного предложения. Придаточное предложение может принять на себя иллокутивный маркер – модальный глагол во вторичном значении. В предложении (2c) эпистемическое употребление *müssen* невозможно из-за фактивного предиката, влияющего на иллокутивную самостоятельность придаточного: иллокутивная сила сосредоточена в левой части предложения. Тот факт, что модальные глаголы в эпистемическом значении не могут иметь места в придаточном, рассматривался ранее в работе В. Абрахама [21].

Аналогичную ситуацию можно проследить на примере глагола *mögen*, в частности при его использовании в рекомендациях по применению персонального компьютера, написанных от 1-го лица:

(3) *Dies **mag** ein Nachteil **sein** für einen einfachen Datenaustausch zwischen den unterschiedlichen Welten* [22].

Употребление модального глагола *mögen* во вторичном значении в иллокутивно самостоятельном придаточном допустимо (см. (4a), в иллокутивно несамостоятельных предложениях это вряд ли возможно (см. (4b), сравним:

(4a) *Ich fragte dann einen der Verkäufer, der zwischen 18 und 20 Jahre alt **gewesen sein mag**, ob er selbst auch Pokemon spiele* [Ibidem].

(4b*) *Er leugnet, dass der Verkäufer zwischen 18 und 20 Jahre alt **gewesen sein mag**.*

Возможно также использование модальных глаголов *müssen* и *mögen* во вторичном значении в нарративном режиме, когда предположение выражает либо повествователь, либо один из персонажей. Более того, автор может передать посредством этих глаголов предположение, выраженное одним из третьих лиц, сравним:

(5) *Sie **musste** irgend etwas davon **fühlen**, denn sie spannte ihre Augenbrauen hoch, wie wenn man jemand Lästigen wegweisen will...* [23] – предположение выражено говорящим, в роли которого выступает один из персонажей;

(6) [...] *das reizte mich schon einigermaßen, und als dann noch die deutsche Dame diese Lektion mit dem lehrhaften Senf bestrich, es gäbe einerseits wirkliche Frauen und andererseits „Dirnennaturen“, deren ihrer Ansicht nach Frau Henriette eine **gewesen sein musste**, da riss mir die Geduld vollends, ich wurde meinerseits aggressiv* [24] – предположение выражено одним из персонажей, в роли которого выступает дама (*die deutsche Dame*).

(7) *Um das herauszufinden, bedarf es, wie gesagt, bloß einer leidlich feinen Nase, und es **mag** durchaus **sein**, dass Gott dir eine leidlich feine Nase gegeben hat, wie vielen, vielen anderen Menschen auch – namentlich in deinem Alter* [25] – предположение выражено говорящим, в роли которого выступает один из персонажей.

Как видно из приведенных высказываний, модальные глаголы *müssen* и *mögen* во вторичном значении могут быть использованы в речевом, в нарративном повествовательном режиме и в иллокутивно самостоятельных придаточных.

Модальные частицы как многоплановые дейктики проявляют схожую избирательность при употреблении в гипотаксисе: в иллокутивно самостоятельных придаточных они возможны (8a), в то время как их использование в иллокутивно несамостоятельных придаточных недопустимо (8b), сравним:

(8a) *Plötzlich **fiel** ihr wieder **ein**, dass sie **ja** gar nicht allein war* [22].

(8b) *Sie **bedauerte**, dass sie (***ja**) gar nicht allein war.*

(9) *Sie wohnen in Zelten und wandern stets dorthin, wo es (***ja**) Futter und ausreichend Trinkwasser für ihre Herden gibt* [24].

Модальные частицы могут быть использованы в нарративном режиме. Эти слова могут передавать не только позицию говорящего, но и позицию третьего лица, как это можно было увидеть на примере (8a), сравним также (10) и (11):

(10) *Der Hinweis, dass **ja** nicht der behinderte Nicolas, sondern seine Eltern es waren, die behaupten, seine Existenz sei schlimmer als der Tod, ist eine rhetorische Floskel, genauso die Anmerkung, dass er selbst **ja** nicht um eine todbringende Spritze gebeten habe* [26].

(11) *Mit seiner Mithilfe ist kaum zu rechnen, deswegen beugen sich kluge Herrenausstatter von vornherein dem Prinzip, dass **ja doch** die Frau die Kaufentscheidung trifft* [Ibidem].

В высказывании (10) модальная частица *ja*, использованная в определительных придаточных предложениях, отражает позицию субъекта матричного предложения. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в следующем высказывании (11): сочетание модальных частиц *ja* и *doch* отражает установку 3-го лица, в роли которого выступает существительное *Herrenausstatter* (сеть специализированных магазинов товаров для мужчин). Типичным случаем передачи установки третьего лица может быть предложение (8а) с включением частицы в придаточное определительное. По всей видимости, именно это свойство и позволяет рассматривать частицы как медиальные дейктики.

К дальним дейктикам можно отнести модальные слова – по сути, для них вполне приемлем и нарративный режим и гипотаксический, они могут иметь место в любом типе придаточных, даже если те являются иллокутивно несамостоятельными:

(12) *ich schreibe Ihnen als Mitarbeiter des YUNA Service Teams und bedauere sehr, dass Sie **offensichtlich** ein Problem mit Ihrer YUNA Card hatten* [22].

(13) *Wir schreiben hastig, machen Fehler und benutzen bunte Bilder dort, wo **vielleicht** Worte besser gewesen wären* [Ibidem].

(14) *Sie ließe Ihren Namen da, wo er **wahrscheinlich** früh oder spät noch einmal zu lesen sein wird, anschlagen, und setzte darunter: dieser ist von der Steuer frei* [Ibidem].

(15) *So sollte es auch heute sein, und Grenouilles Mutter, die noch eine junge Frau war, gerade Mitte zwanzig, die noch ganz hübsch aussah und noch fast alle Zähne im Munde hatte und auf dem Kopf noch etwas Haar und außer der Gicht und der Syphilis und einer leichten Schwindsucht keine ernsthafte Krankheit; die noch hoffte, lange zu leben, **vielleicht** fünf oder zehn Jahre lang, und **vielleicht** sogar einmal zu heiraten und wirkliche Kinder zu bekommen als ehrenwerte Frau eines verwitweten Handwerkers oder so* [25].

На примере приведенных высказываний можно проследить возможность использования модальных слов в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях, а также в нарративном повествовательном режиме. Так, объектное придаточное предложение (12) с фактивным предикатом в главной части является иллокутивно несамостоятельным, однако включение модального слова *offensichtlich* возможно. В последующих иллокутивно несамостоятельных придаточных объектных допустимо включение модальных слов *vielleicht* и *wahrscheinlich*. В высказывании (15) многократное использование модального слова *vielleicht* в аукториальном повествовании позволяет передать надежду одного из третьих лиц – матери Гренуя – на возможно благопристойный образ жизни в будущем.

К ближним дейктикам можно отнести фокус истинности (в немецкой терминологии – *Verumfokus*, см. [27–30]). Фокус истинности находит свое выражение, как правило, в диалоге. Суть его заключается в том, что говорящий выражает свое несогласие с позицией собеседника посредством (1) интонирования финитной формы глагола, (2) использования ударной частицы *DOCH* либо (3) интонирования подчинительного союза, при этом обязательным условием кодировки фокуса истинности является наличие отрицания в предыдущем высказывании собеседника, сравним:

(16a) A: *Max hat nicht geraucht.*

B: *Max **HAT** geraucht.*

(16b) A: *Max hat nicht geraucht.*

B: *Ich glaube, **DASS** er geraucht hat.*

(*Ich glaube, dass er geraucht **HAT***)¹.

(16c) A: *Max hat nicht geraucht.*

B: ***DOCH!***

Фокус истинности не может иметь места в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях. Так, в следующем предложении его кодировка не представляется возможной, поскольку предикат матричного предложения фактивен:

(16d*) *Man leugnet, dass er geraucht **HAT**.*

Фокус истинности находит свое выражение в диалогической ситуации как реакция на высказывание собеседника. Если он и имеет место в монологе, то только тогда, когда реальный говорящий выражает свою оценку достоверности происходящего, т. е. в речевом режиме. Так, в работе Й. Майбауера есть один пример, позволяющий увидеть такую возможность. Единственная специфика данного высказывания – фокус истинности передается посредством ударной частицы *DOCH*:

(17) (*Alles ist steinig und sandig. Die Bäume und Büsche am Ufer stehen dürr und gesanglos.*

*Und **DOCH** fließt unter unseren Füßen Wasser* [31. S. 114].

Использование ударной частицы в монологическом высказывании позволяет создать контраст между наличием факта и теми условиями, в которых он гипотетически реализоваться не может. В любом случае, использование фокуса истинности в нарративном повествовательном режиме от лица повествователя вряд ли допустимо. Возможность использования фокуса истинности в иллокутивно самостоятельных придаточных предложениях можно объяснить исключительно тем, что эти предложения принадлежат реальному говорящему и адресованы конкретному собеседнику, а если и передается позиция 3-го лица, то таким образом, что говорящий полностью разделяет это мнение, точнее говоря, выражая свою позицию, ссылается на чье-либо высказывание, например:

(18) *Spr. 1: Karl hat nicht geraucht.*

¹ Данные примеры (16a), (16b), (16c) составлены по аналогии с примерами, приведенными в работе Т. Хёле [27, 28] и Х. Лонштайна [30].

Spr. 2: Aber Berta sagt, dass Karl geraucht HAT.

Это позволяет нам отнести Verumfokus к ближним дейктикам.

К ближним дейктикам в немецком языке мы относим дискурсивные частицы. Эти слова обладают следующими свойствами: 1) они могут занимать инициальную позицию; 2) способны выступать в роли самостоятельного предложения; 3) могут создавать контраст между позицией говорящего и собеседника либо между предыдущим фрагментом и последующим; 4) не создают логических отношений между предложениями; 5) могут быть ударными [32. С. 6]. Дискурсивные частицы используются по большей части в диалоге, когда говорящий либо выражает свое несогласие с позицией собеседника, либо подчеркивает значимость собственной точки зрения, как мы это могли увидеть на примере (16с). Контраст между двумя различными позициями может передавать не только ударная частица *DOCH*, но и ударная частица *JA*, сравним:

(19) A: Fritz hat nicht geheiratet.

B: Fritz hat JA geheiratet (пример Й. Майбауера [31. S. 147]).

Ударная частица *JA* довольно часто используется в побудительных высказываниях, придавая высказыванию угрожающий оттенок, сравним:

(20) Er schläft wie ein Ratz. Ich glaube, der Anschlag wird gelingen. Gib mir jetzt das Pechpflaster her! »Aber mach JA leise!« [22].

Ударная частица *JA* может использоваться в иллокутивно самостоятельных придаточных: так, она вполне допустима в придаточных цели (см. также [12]):

(21) Die Türen sind fest verschlossen, damit JA kein Fremder und erst recht kein Feind hereinkommt [22].

В иллокутивно несамостоятельных придаточных ударные частицы *JA* и *DOCH* аграмматичны:

(22) Sie bedauert es sehr, dass es (*JA, *DOCH) dadurch zu dieser kurzfristigen Absage gekommen ist [Ibidem].

К дискурсивным частицам относятся не только ударные, но в ряде случаев и безударные частицы. Так, частица *JA*, занимающая позицию в пред-предполье¹, допустима в монологическом высказывании только в том случае, если оно принадлежит реальному говорящему (23), (24а). Если передается речь третьего лица, то она аграмматична (24б). В зависимых предложениях частица *JA* встречается преимущественно в псевдопридаточных с союзом *WEIL*, в объектных это вряд ли возможно (24б), сравним:

(23) **Ja** es gibt ja die Briefe, wo er sagt, du kommst morgen und ich schaffe jetzt das Heim, du gibst es auf [26].

(24а) Die Sonne gebiert das Licht, sie hat dem Licht alles übergeben, **ja** sie ist das Licht, das die Menschen erleuchtet [Ibidem].

¹ Пред-предполье (в немецкой терминологии Vor-Vorfeld) – это позиция перед подлежащим (группой подлежащего) или второстепенным членом предложения, стоящим перед изменяемой формой предиката, который в немецком языке всегда занимает вторую позицию.

(24b*) *Er sagt, **ja** dass sie das Licht ist.*

(25) *M: Ich brauch ja auch nicht so lange.*

*G: **Ja** weil du einfach so alles in den Koffer schmeißt [22].*

На основе анализа фактического материала мы можем предположить, что дискурсивную частицу *JA* можно отнести скорее к ближним дейктикам.

Таким образом, анализ фактического материала показывает, что с позиции дейктичности маркеры эпистемической модальности разноплановы. Они выступают как ближние, медиальные и дальние дейктики. В обобщенном виде их употребляемость в различных типах контекстов представлена в таблице.

Эпистемические маркеры в различных типах контекстов

Маркеры	Иллокутивно самостоятельные придаточные	Иллокутивно несамостоятельные придаточные	Речевой (диалогический) режим	Нарративный режим
Фокус истинности (Verumfokus)	+	–	+	–
Дискурсивные частицы	+	–	+	–
Модальные частицы	+	–	+	+
Модальные глаголы во вторичном (эпистемическом) употреблении	+	–	+	+
Модальные слова	+	+	+	+

На основе анализа использования эпистемических маркеров в различных типах контекстов их можно распределить по следующим группам:

– ближние дейктики: фокус истинности и дискурсивные частицы, способные отражать позицию говорящего;

– медиальные дейктики: модальные частицы, а также модальные глаголы во вторичном (эпистемическом) употреблении – их свойство состоит в том, что они могут использоваться в нарративном режиме и передавать установку третьих лиц;

– дальние дейктики: модальные слова с эпистемической и эвиденциальной семантикой. Они могут использоваться как в речевом, так и в повествовательном режимах и синтаксически подчинимы.

Предложенная классификация позволяет объяснить особенности употребления эпистемических маркеров на уровне не только предложения, но и текста. Соответственно, можно говорить о перспективах создания типологии текстов на этой основе. Помимо этого, мы можем найти здесь подтверждение того, что модальные частицы и модальные глаголы во вторичном значении относятся к грамматическим элементам, в то время как модальные слова можно рассматривать как лексические единицы, использующиеся для кодировки эпистемической и эвиденциальной семантики.

Литература

1. *Diewald G.* Deixis und Textsorten im Deutschen. Berlin : de Gruyter, 2010. 446 s.
2. *Анресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды : в 2 т. М., 1995. С. 629–650.
3. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2010. 479 с.
4. *Haegeman L.* Deriving the truncation account // *Main Clause Phenomena*. New Horizons. John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 113–133.
5. *Abraham W.* Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // *Modalität und Evidentialität*. Trier : Focus, 2011. S. 125–147.
6. *Coniglio M.* Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen. Berlin : Akademie Verlag, 2011. 220 s.
7. *Averina A.* Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln ja, doch und denn im Deutschen und ved', že und vot im Russischen. Frankfurt-am-Main : Peter Lang, 2015. 240 s.
8. *Thurmair M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen : Niemeyer Verlag, 1989. 314 s.
9. *Аверина А.В.* Типы придаточных предложений в немецком языке по критерию иллокутивной самостоятельности // Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики : материалы научных чтений памяти проф. Л.В. Шишковой. СПб., 2017. С. 35–41.
10. *Кобозева И.М.* Проблема идентификации и синтаксической репрезентации сложно-подчиненных предложений русского языка с иллокутивно самостоятельной придаточной частью // 3rd European Conference on Formal Description of Slavic Languages (FDSL-3). (Linguistische Arbeitsberichte 75). Leipzig, 2000. S. 67–79.
11. *Kiparsky P., Kiparsky C.* Fact // *Syntax and generative Grammatik*. Frankfurt-am-Main : Athenaion, 1974. Bd. 1. P. 257–304.
12. *Аверина А.В.* Ударные частицы JA и DOCH в придаточных предложениях немецкого языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 5–17. DOI: 10.17223/19986645/52/1
13. *Аверина А.В.* Природа синтаксической неподчинимости // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 3. С. 140–150.
14. *Аверина А.В.* Модальные глаголы немецкого языка как феномен главного предложения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2. С. 270–273.
15. *Abraham W.* Modal particles and Verum focus. New corollaries // *Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles*. Amsterdam : John Benjamins, 2017. P. 171–202.
16. *Аверина А.В.* Отрицание и модальность в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 1. С. 57–67.
17. *Сребрянская Н.А.* Дейксис и его проекции в художественном тексте. Воронеж : ВГПУ, 2005. 255 с.
18. *Бюлер К.* Теория языка. М. : Прогресс, 2000. 528 с.
19. *Diewald G.* Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität // *Funktionen der Modalität*. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2013. S. 77–110.
20. *Leiss E.* Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik // *Modalität und Evidentialität [Fokus 37]*. Trier : Wissenschaftlicher Verlag, 2011. S. 149–169.
21. *Abraham W.* Modalität und Modalverben. Wohin führt uns die Syntax – wieweit brauchen wir die Pragmatik? // *Diathese, Modalität, Deutsch als Fremdsprache*. Tübingen, 2004. S. 3–14.

22. *DECOW 16 A*. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 15.11.2017).
23. Zweig S. *Der Amokläufer* // Erzählungen. Frankfurt-am-Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1989.
24. Zweig S. *Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau* // Erzählungen. Frankfurt-am-Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 2011. S. 70–144.
25. Süskind P. *Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders*. Zürich : Diogeness Verlag ag, 1994. 319 s.
26. DWDS. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 18.10.2017).
27. Höhle T.N. *Verum-Fokus* // Sprache und Pragmatik 5. Arbeitsberichte. Lund, 1988. S. 1–7.
28. Höhle T.N. *Über Verum-Fokus im Deutschen* // Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. Sonderheft 4. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1992. S. 112–141.
29. Аверина А.В. Феномен Verum в немецком языке как глубинный модальный компонент высказывания и его русские соответствия // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2015. № 2 (26). С. 36–46.
30. Lohnstein H. *Verumfokus-Satzmodus-Wahrheit* // Linguistische Berichte. Sonderheft 18. Helmut Buske Verlag, 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/266531010_Verumfokus_-_Satzmodus_-_Wahrheit (дата обращения: 25.08.2016).
31. Meibauer J. *Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung*. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln. Niemeyer Verlag : Tübingen, 1994. 252 s.
32. Аверина А.В. К проблеме разграничения модальных и дискурсивных частиц в немецком языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 4–7.

Deicticity of Epistemic Markers in German

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 5–18. DOI: 10.17223/19986645/59/1

Anna V. Averina, Moscow Region State University (Moscow, Russian Federation).
E-mail: Anna.averina@list.ru

Keywords: epistemic modality, deicticity, particles, modal words, dependent clauses, illocutive independence.

The article considers the category of epistemicity as a deictic one and analyses German epistemic markers in terms of their closeness to the speaker, i.e. from deicticity. The deictic features of epistemic modality are determined by three factors. First of all, the speaker emphasizes a certain degree of probability which belongs to the deictic field. Secondly, in some cases, epistemic markers include an implicit pointing at the speaker who is a source of information (direct evidentiality because speakers make a conclusion based on their own experience or knowledge). Thirdly, epistemic markers facilitate the actualization of a speech situation because situativity is an essential feature of deictic elements. These three factors allow concluding that markers of epistemic modality belong to the sphere of modal deicticity and in some cases to personal deicticity as well (in cases of multiplane deixis).

Speech and narrative modes can be considered to be an indicator to show the degree of closeness to the speaker.

According to E.V. Paducheva, in the speech mode, the speaker's role is fulfilled by the actual speaker. Dependent clauses are not heterogeneous: we can differentiate between illocutive dependent clauses (close and medial deictic elements cannot be used in such kind of clauses) and illocutive independent clauses (close and medial deictic elements can be used in such kind of clauses). For example, such factive predicates as *leugnen*, *bedauern*, *bereuen* in the matrix clause do not allow the usage of deictic elements in the dependent clause whereas verbs of speaking make it possible. According to E.V. Paducheva, in the narrative mode, the role of the speaker is fulfilled by one of the characters or by the narrator. Consequently, to determine the degree of the closeness of epistemic markers to the speaker, they are analysed in three modes:

(1) in the speech (dialogue) mode and in their usage in illocutive independent clauses to encode the attitude of the speaker;

(2) in the speech and narrative modes and in their usage in illocutive independent clauses to encode the attitude of the speaker or of one of the characters;

(3) in all the three modes without any restriction – in any dependent clause and in any mode.

The analysis of the examples indicates that epistemic markers can be divided into three groups:

- close deictics: Verumfocus and discourse particles which express the speaker's attitude;
- medial deictics: modal particles and modal verbs in the second (epistemic) meaning – their feature is that they can express the position not only of the speaker but also of a third person;
- remote deictics: modal words with epistemic and evidential semantics. They can be used in any mode as well as in dependent clauses without any restrictions.

References

1. Diewald, G. (2010) *Deixis und Textsorten im Deutschen*. Berlin: de Gruyter.
2. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannyye trudy: v 2 t.* [Selected Works: In 2 vols]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 629–650.
3. Paducheva, E.V. (2010) *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic research: Semantics of time and type in Russian. The semantics of narrative]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
4. Haegeman, L. (2012) Deriving the truncation account. In: Lobke, A., Haegeman, L. & Nye, R. (eds) *Main Clause Phenomena. New Horizons*. John Benjamins Publishing Company.
5. Abraham, W. (2011) Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung. In: Diewald, G. & Smirnova, E. (eds) *Modalität und Evidentialität*. Trier: Focus.
6. Coniglio, M. (2011) *Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen*. Berlin: Akademie Verlag.
7. Averina, A. (2015) *Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln ja, doch und denn im Deutschen und ved', že und vot im Russischen*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
8. Thurmair, M. (1989) *Modalpartikeln und ihre Kombinationen*. Tübingen: Niemeyer Verlag.
9. Averina, A.V. (2017) Tipy pridatochnykh predlozheniy v nemetskom yazyke po kriteriyu illokutivnoy samostoyatel'nosti [Types of subordinate clauses in the German language according to the criterion of illocutive independence]. In: Kopchuk, L.B. (ed.) *Grammatika v nauchno-issledovatel'skom kontekste sovremennoy lingvistiki: materialy nauchnykh chteniy pamyati prof. L.V. Shishkovoy: sb. statey* [Grammar in the research context of modern linguistics: materials of scientific readings in memory of Prof. L.V. Shishkova: Articles]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo.
10. Kobozeva, I.M. (2000) [The problem of identification and syntactic representation of complex sentences of the Russian language with an illocutionally independent part]. *3rd European Conference on Formal Description of Slavic Languages (FDSL-3)*. (Linguistische Arbeitsberichte 75). Leipzig: [s.n.]. pp. 67–79. (In Russian).
11. Kiparsky, P. & Kiparsky, C. (1974) Fact. In: Kiefer, F. & Perlmutter, D.M. (eds) *Syntax und generative Grammatik*. Bd. 1. Frankfurt am Main: Athenaion.
12. Averina, A.V. (2018) Stressed particles in the German dependent clause (exemplified by particles JA and DOCH). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 52. pp. 5–17. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/52/1

13. Averina, A.V. (2016) Priroda sintaksicheskoy nepodchinimosti [The nature of syntactic non-subordination]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of the Moscow Region State University*. 3. pp. 140–150.
14. Averina, A.V. (2018) Modal verbs of German as a phenomenon of the main clause. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2. pp. 270–273. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2018-2-2.13
15. Abraham, W. (2017) Modal particles and Verum focus. New corollaries. In: Fedriani, C. & Sansó, A. (eds) *Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles*. Amsterdam: John Benjamins.
16. Averina, A.V. (2018) Modality and Negation in the German Language. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of the Moscow Region State University*. 1. pp. 57–67. (In Russian).
17. Srebryanskaya, N.A. (2005) *Deyksis i ego proektsii v khudozhestvennom tekste* [Deixis and its projections in the literary text]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
18. Bühler, K. (2000) *Teoriya yazyka* [Theory of language]. Moscow: Progress.
19. Diewald, G. (2013) Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität. In: Abraham, W. & Leiss, E. (Hrsg.) *Funktionen der Modalität*. Berlin; Boston: De Gruyter.
20. Leiss, E. (2011) Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik. In: Diewald, G. & Smirnova, E. (Hrsg.) *Modalität und Evidentialität [Fokus 37]*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag.
21. Abraham, W. (2004) Modalität und Modalverben. Wohin führt uns die Syntax – wie weit brauchen wir die Pragmatik? In: Lindemann, B. & Letnes, O. (Hrsg.) *Diathese, Modalität, Deutsch als Fremdsprache*. Tübingen: Stauffenburg. pp. 3–14.
22. *DECOW 16 A*. [Online] Available from: www.webcorpora.org. (Accessed: 15.11.2017).
23. Zweig, S. (1989) *Der Amokläufer. Erzählungen*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
24. Zweig, S. (2011) Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau. In: *Erzählungen*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag. pp. 70–144.
25. Süskind, P. (1994) *Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders*. Zürich: Diogenes Verlag.
26. *DWDS*. [Online] Available from: <https://www.dwds.de/>. (Accessed: 18.10.2017).
27. Höhle, T.N. (1988) Verum-Fokus. *Sprache und Pragmatik 5. Arbeitsberichte*. Lund: Univ. pp. 1–7.
28. Höhle, T.N. (1992) Über Verum-Fokus im Deutschen. In: *Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. Sonderheft 4*. Opladen: Westdeutscher Verlag. pp. 112–141.
29. Averina, A.V. (2015) The Verum phenomenon as an implicit modal component of the utterance and its Russian equivalents. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya "Sovremennye lingvisticheskie i metodikodidakticheskie issledovaniya"*. 2 (26). pp. 36–46. (In Russian).
30. Lohnstein, H. (2012) Verumfokus-Satzmodus-Wahrheit. *Linguistische Berichte. Sonderheft 18*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/266531010_Verumfokus_-_Satzmodus_-_Wahrheit. (Accessed: 25.08.2016).
31. Meibauer, J. (1994) *Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln*. Tübingen: Niemeyer Verlag.
32. Averina, A.V. (2017) K probleme razgranicheniya modal'nykh i diskursivnykh chashtits v nemetskom yazyke [On the distinction between modal and discursive particles in German]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Eurasian Humanitarian Journal*. 2. pp. 4–7.